

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

«ОПАСНЫЕ ВЕЩИ» А. С. СУВОРИНА**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ О. МАКАРОВОЙ

МАКАРОВА О. «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. С. СУВОРИНА. — М. : НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРЕНИЕ, 2019.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-245-252.

Как ни странно, по сей день не существует полноценной научной биографии Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912). Странность эта тем более велика, что трудно найти сюжет в истории русской общественной мысли или истории русской литературы, по крайней мере с середины 1870-х годов вплоть до начала 1910-х, который так или иначе не касался бы личности Суворина, его газетных, журнальных или книжных предприятий или, с 1890-х гг. — истории созданного им театра.

Следует, правда, отметить, что последние два десятилетия существенно улучшили ситуацию по сравнению с предшествующими годами. За это время появилась ценная по многим сообщаемым данным работа Е. А. Динерштейна (Динерштейн, 1998); издана монография С. М. Саньковой, посвященная историографическому аспекту изучения А. С. Суворина и М. О. Меньшикова (Санькова, 2011); опубликован в гораздо более полном и точном виде, чем был издан в 1920-х, дневник Суворина (Суворин, 2000); собраны в двух объемистых томах «Маленькие письма» Суворина, наиболее известный и обсуждаемый его публицистический цикл (Суворин, 2005а, б). Совсем недавно, к примеру, были опубликованы письма З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского к А. С. Суворину,

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, AnATeslya@kantiana.ru.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18–18–00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта и поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта в рамках Проекта 5–100.

существенно уточняющие и расширяющие наши представления о литературных и личных отношениях между ними (Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус, 2018: 17–107); в 2006 г. вышли, в пару к письмам А. С. Суворина к В. В. Розанову, опубликованным последним еще в 1913 г., ответные письма Розанова к своему многолетнему работодателю (Розанов, 2006). Перечень публикаций нетрудно многократно расширить¹, но в исследовательском плане Суворин преимущественно оказывается «фоновым» персонажем.

Интерес книги Ольги Макаровой — множественный. Прежде всего, это повествование о Суворине — не его полная биография, но один из биографических «срезов», исследование, которое станет непрямым элементом последующих работ, посвященных жизни и творчеству Суворина. И вместе с тем именно постольку, поскольку Суворин, в том числе и по собственному признанию — не писатель, не драматург как таковой, а в первую очередь журналист, то есть тот, кто умеет отзывать на реалии, фиксировать и отражать существующие идеи, а не формулировать свои собственные, его суждения, его осмысление своей собственной жизни и то, как он пытается универсализировать этот опыт (или, напротив, свой собственный поместить в универсальную рамку) показательны для русской интеллектуальной жизни 1860–1910-х гг.

Макарова вслед за современниками (см., напр., Амфитеатров, 2004) отмечает, что Суворин был типичным «шестидесятником», «нигилистом» — черта, которая зачастую забывается в свете позднейшей интерпретации «шестидесятников», непосредственно увязывающей их с историей русского революционного движения², но которая в действительности связана с тем или иным конкретным политическим выбором весьма опосредованно, относясь намного более к моделям поведения и самоопределения.

Выбор в качестве центрального для рассмотрения «женского вопроса» в случае Суворина более чем закономерен и обоснован — достаточно открыть его дневник, чтобы осознать, сколь много места и времени он отводит размышлениям, наблюдениям, заметкам о том, что в его время обозначалось этим выражением. Его личная жизнь давала к этому более чем достаточные основания, помимо общего интереса эпохи — ведь именно на период публицистической и литературной деятельности

¹См., в первую очередь, библиографию, приведенную в исследовании С. М. Саньковой (Санькова, 2011).

²См., напр., Шестидесятники, 1984.

Суворина приходится кризис и наступающий слом сформированных ранее гендерных моделей и формирование новых, носящих к тому же ярко выраженный рефлексивный характер.

Первая жена Суворина, Анна Ивановна Баранова, сыграла в жизни Суворина решающую роль — именно она, по его воспоминаниям, настояла, чтобы он принял предложение и перебрался в Воронеж из уезда, и в дальнейшем подталкивала его к переезду в Москву, а затем и в Петербург. Она выступала в качестве «равноправного партнера», организуя издательские проекты, выстраивая социальные связи и т. д.

В этом смысле жизнь Суворина имеет по меньшей мере два плана. С одной стороны — внешний, официальный, где он предстает очень успешным фельетонистом, редактором, основателем популярнейшей общероссийской газеты и большого издательства, а с другой — где в интимном, семейном кругу он оказывается человеком нерешительным, сомневающимся, требующим постоянной поддержки и подталкивания в ключевые моменты, когда он склонен медлить, откладывать, дожидаясь чего-то неведомого. Оба плана в общем-то не противоречат друг другу — иное дело, что избыточное внимание к дневнику дает, думается нам, некоторое искажение целого, поскольку в дневниковых записях и в интимных письмах Суворин не столько фиксирует наличное, сколько выражает — и тем самым изживает — свои сомнения и тревоги. Ведь дневник во многом ведется им не ради исторической фиксации событий (за несистематичность записей, «нехватку выдержки», он упрекает сам себя в записи от 30 мая 1907 г.), а для проговаривания того, для чего не находится другого места — он в первую очередь ведется для самого себя, потому свободен от любой заботы о стиле, зачастую даже о ясности записей³. Разумеется, Суворин не исключает позднейшего, внешнего читателя, но это лишь авторская трезвость, а не адресат, понимание, что все сделается историческим документом, а не устойчивая обращенность к «историческому».

³В той же записи от 30 мая 1907 г. характерно продолжение: «Прежде переписывался, особенно с Чеховым. А теперь не с кем». Переписка с немногими близкими корреспондентами сближается по своему функционированию с дневниковым типом писания — и примечательно, что сразу же после смерти Чехова Суворин энергично изъял у наследников свои письма к нему (напомним, что письма Чехова к Суворину образуют один из наиболее крупных его эпистолярных комплексов, насчитывающий более 350 писем). Последующая судьба писем Суворина к Чехову неизвестна.

Первый брак закончится трагически — жена будет убита любовником, Комаровым, в гостинице Бель-вю, история делается не только публичной, но и станет предметом обсуждений и пересудов на протяжении нескольких лет, а сам Суворин более десяти лет спустя, уже после самоубийства сына, будет вновь в дневнике обращаться к событиям тех дней. Несколько лет спустя он примется за выбор второй жены — советуясь с ближайшими, пытаясь тщательно взвесить аргументы в пользу той или иной кандидатуры. В итоге он женится на совсем юной девушке, тоже Анне Ивановне, которая привлечет его своей страстностью. Брак окажется весьма неудачным в первую очередь из-за быстро наступившей физической неспособности Суворина, которую вторая жена компенсировала в сторонних романах, а для самого Суворина центральной темой для размышлений станет отцовство.

Рамкой осмысления «женского вопроса» для Суворина является пространственная «энергетическая» модель, исходящая из представления о едином энергетическом резервуаре, из которого черпаются силы для всех видов деятельности — от творчества до секса — и, соответственно, трата в одном отношении сокращает количество доступной энергии для другого. «Женщина» в суворинском представлении — одновременно и опасный, и желанный объект, при этом ее власть возрастает — она все в меньшей степени оказывается подчиненной мужчине и все в большей степени оказывается не только властвующей над ним, но и способной выполнять те функции, которые традиционно считались мужскими. Поэтому представление о наступающем веке для Суворина — это образы женской эмансипации, которой он то пугает, то одобряет, но неизменно отмечает, что сам не будет уже жить в то время, когда это делается реальностью.

Говоря о суждениях Суворина по поводу «женского вопроса» и характеризуя по существу публицистическую модель Суворина в целом, Макарова отмечает его «раскачивание» между разными позициями и оценками — в последовательных фельетонах, когда условно-«либеральные» суждения снимаются или проблематизируются иронией, а консервативные высказывания тут же оттеняются замечаниями противоположного характера. В случае «женского вопроса» такого рода поведение слабо связано с внешней аудиторией — для самого Суворина противоречие, побуждающее к публицистическим «качелям», обусловлено тем, что влекущими и интересующими его (в том числе и далеко за пределами сексуального) типажамы являются эмансипированные женщины, активно демонстрирующие способность к самостоятельному выбору и сами

намечающие себе цели собственного действия — и в то же время они выступают в его глазах теми, кто представляют угрозу, что связано, помимо прочего, с представлением о чувственности и влечении, принадлежащим в первую очередь мужчинам. В рамках типичных для второй половины XIX века представлений «желание» является (и нормативно должно являться) в первую очередь мужской чертой — женщина отвечает, и, во-вторых, за исключением отклонений, распущенности, является гораздо слабее испытывающей сексуальное влечение — ее необходимо «будить», «возбуждать», «тревожить»⁴. Следовательно, в рамках этой логики, «женщина» оказывается той стороной отношений, которая способна в гораздо большей степени их контролировать, поскольку менее вовлечена, менее «охвачена страстью» — и это делает ее потенциально властвующей стороной.

И здесь же противоположностью делаются интересующие Суворина истерические персонажи, видимо, в силу того, что они сами, как Шебальская, делятся с ним своими переживаниями, обсуждают то, что его интересует по преимуществу. Так, именно подобного рода история, основанная на реальных событиях, станет основой его наиболее популярной пьесы «Татьяна Репина», о которой в мемуарном очерке к столетию Суворина Амфитеатров писал: «...не сходила она с театрального репертуара тридцать лет, да не сошла бы и дальше, если бы вообще всякие репертуары дореволюционного театра не кончились» (Амфитеатров, 2004: 19).

В дневнике 1890-х гг. даже больше, чем в беллетристике и фельетонах Суворина соответствующего периода, виден его напряженный интерес к сфере сексуального: от прогулок по кварталам красных фонарей до фиксации различных историй об отношениях и сексуальных практиках. Параллельно публично утверждаемым идеалом все более выступает идеал патриархальной семьи. Примечательно, что в качестве его реализации Суворин готов утверждать толстовское семейство, и это относится

⁴См., напр., более позднего времени описание положительной героини Ксении в рассказе В. В. Вересаева «Княгиня»: «...Ксения — податливая, мягкая — наконец согласилась на замужество, согласилась [...] не подозревая, в чем оно заключается. [...]

Ну, а наконец, все-таки, конечно, случилось то, что должно было случиться. И это была такая гадость, такой стыд и ужас! [...]

После ужасающе бесстыдных ласк мужа Ксения оставалась в постели вся разбитая, полная отвращения, обливаясь потом, задыхаясь в невероятной духоте комнаты» (Вересаев, 1984: 350–351). В данном случае мы цитируем эти фрагменты именно в силу их типичности для литературы 1890-х–1910-х гг., ср. показательный в своей усредненности роман Ф. Ф. Тютчева «Кто прав?», относящийся к концу 1880-х–нач. 90-х гг. (Тютчев, 1985).

не только к публичным его суждениям, но и к дневниковым записям, хотя он мог достаточно близко наблюдать семью Толстого и видеть, сколь далека она от соответствия его идеальным образам. Кажется, в этом случае для Суворина в том числе и перед самим собой возможно пожертвовать реальностью, чтобы утвердить возможность желанного.

Впрочем, с годами болезненное напряжение 1880-х–90-х гг., полная несладка второго брака и разлад в семье становятся привычными — неудача в семейной жизни перестает быть предметом размышлений, обращаясь в данность. Ко второй половине 1900-х в дневнике Суворина «женский вопрос» и «женщины» 1890-х вытесняются «евреями», другим носителем угрозы и влечения, по крайней мере для сына, против брака которого на еврейке Суворин будет решительно возражать, записывая, что не потерпит этого хотя бы в своем семействе (Суворин, 2000: 511, запись от 6 июля 1907 г.).

ЛИТЕРАТУРА

- Амфитеатров А. В.* Старик Суворин // Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. В 2 т. Т. 2 / сост. и предисл. А. И. Рейтבלата ; коммент. А. И. Рейтבלата. — М. : Новое литературное обозрение, 2004. — С. 5–15.
- Вересаев В. В.* Невыдуманные рассказы о прошлом. Литературные воспоминания. Записки для себя / предисл. Ю. У. Фохт-Бабушкина. — М. : Правда, 1984.
- Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. — М. : РОС-СПЭН, 1998.
- Макарова О.* «Женский вопрос» в жизни и творчестве А. С. Суворина. — М. : Новое литературное обозрение, 2019.
- Розанов В. В.* Признаки времени : статьи и очерки 1912 г. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. Письма В. В. Розанова к А. С. Суворину / под ред. А. Н. Николюкина, В. Н. Дядичева. — М. : Республика, Алгоритм, 2006.
- Санькова С. М.* Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии. — Орел : ФГОУ ВПО «Госунiversитет –УНПК», 2011.
- Суворин А. С.* Дневник Алексея Сергеевича Суворина. — М., London : Независимая Газета, The Garnett Press, 2000.
- Суворин А. С.* В ожидании XX века. Маленькие письма (1889–1903) / под ред., предисл. А. Д. Романенко. — М. : Алгоритм, 2005а.
- Суворин А. С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908) / сост. и предисл. А. Д. Романенко. — М. : Алгоритм, 2005б.
- Тютчев Ф. Ф.* Кто прав? : Роман, повести, рассказы / коммент. Г. В. Чагина ; предисл. Г. В. Чагина. — М. : Современник, 1985.

Шестидесятники / под ред. Ф. Ф. Кузнецова, В. С. Лысенко. — М. : Советская Россия, 1984.

Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Ч. 1 / под ред. О. А. Коростелева, Н. . Богомолова, М. М. Павловой. — М. : ИМЛИ РАН, 2018. — (Литературное наследство ; 106).

Teslya, A. A. 2019. “‘Opasnyye veshchi’ A. S. Suvorina [‘Dangerous Things’ of Aleksey Suvorin]: retsenziya na knigu O. Makarovoy [A Review of O. Makarova’s Book]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 245–252.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT, INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY, KALININGRAD

“DANGEROUS THINGS” OF ALEKSEY SUVORIN

A REVIEW OF O. MAKAROVA’S BOOK

MAKAROVA, O. 2019. “ZHENSKIY VOPROS” V ZHIZNI I TVORCHESTVE A. S. SUVORINA [“WOMEN’S ISSUE” IN LIFE AND WORK OF A. S. SUVORIN] [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: NOVOYE LITERATURNOYE OBOZRENIYE

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-245-252.

REFERENCES

- Amfiteyrov, A. V. 2004. “Starik Suvorin [Suvorin, the Old Man]” [in Russian]. In vol. 2 of *Zhizn’ cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh [Life of a Man, Inconvenient to Himself and to Many]*, comp. A. I. Reytblat, comm. by A. I. Reytblat, with a forew. by A. I. Reytblat, 5–15. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Dinershteyn, Ye. A. 1998. *A. S. Suvorin. Chelovek, sdelaushiy kar’yeru [A. S. Suvorin, a Man who Made Oneself a Career]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- F.F., Kuznetsov, and V. S. Lysenko, eds. 1984. *Shestidesyatniki [Men of the Sixties]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Sovet-skaya Rossiya.
- Korostelev, O. A., N. A. Bogomolov, and M. M. Pavlova, eds. 2018. *Epistolyarnoye naslediye Z. N. Gippius [Epistolar Legacy of Z. N. Gippius]* [in Russian]. Bk. 1. Literaturnoye nasledstvo [Literary Heritage] 106. Moskva [Moscow]: IMLI RAN.
- Rozanov, V. V. 2006. *Priznaki vremeni [Tags of the Time]: ctat’i i ocherki 1912 g. Pis’ma A. S. Suvorina k V. V. Rozanovu. Pis’ma V. V. Rozanova k A. S. Suvorinu [Articles and Scetches of 1912. Letters from A. S. Suvorin to V. V. Rosanov. Letters from V. V. Rosanov to A. S. Suvorin]* [in Russian]. Ed. by A. N. Nikolyukin and V. N. Dyadichev. Moskva [Moscow]: Respublika / Algoritm.
- San’kova, S. M. 2011. *Dva litsa “Novogo vremeni”. A. S. Suvorin i M. O. Men’shikov v zerkale istoriografii [Two Faces of “The New Time”. A. S. Suvorin and M. I. Men’shikov in the Mirror of Historiography]* [in Russian]. Orel: FGOU VPO “Gosuniversitet – UNPK”.

- Suvorin, A. S. 2000. *Dnevnik Alekseya Sergeevichicha Suvorina [Alezei S. Suvorin's Diary]* [in Russian]. Ed. by D. Reyfilda, O. Makarovoy, and N. Roskinoy. Moskva [Moscow] and London: Nezavisimaya Gazeta / The Garnett Press.
- . 2005a. *Russko-yaponskaya voyna i russkaya revolyutsiya. Malen'kiye pis'ma (1904–1908) [Russian-Japanese War and Russian Revolution. Minor Letters (1904–1908)]* [in Russian]. Comp. A. D. Romanenko. With a forew. by A. D. Romanenko. Moskva [Moscow]: Algoritm.
- . 2005b. *V ozhidanii xx veka. Malen'kiye pis'ma (1889–1903) [Waiting for the 20th Century. Minor Letters (1889–1903)]* [in Russian]. Ed., with a forew., by A. D. Romanenko. Moskva [Moscow]: Algoritm.
- Тютчев, Ф. Ф. 1985. *Kto prav? [Who is Right?]: Roman, povesti, rasskazy [Novel, Stories, Tales]* [in Russian]. Comm. by G. V. Chagin. With a forew. by G. V. Chagin. Moskva [Moscow]: Sovremennik.
- Veresayev, V. V. 1984. *Nevydumannyye rasskazy o proshlom. Literaturnyye vospominaniya. Zapiski dlya sebya [Non-Fictitious Stories of the Past. Literary Memoirs. One-self's Notes]* [in Russian]. With a forew. by Yu. U. Fokht-Babushkin. Moskva [Moscow]: Pravda.